ВСТРЕЧИ С ЧИТАТЕЛЕМ

Уже в период подготовки к всесоюзному с'езду советских писателей и на самом с'езде мы являемся свидетелями совершенно исключительного внимания широких масс трудящихся к вопросам художественной литературы. Однако мало говорить только об одном внимании. Не только для Москвы, но и для далекой периферии, сейчас уже характерна подлинно кровная заинтересованность рабочих, крестьянства, колхозников, трудящихся в делах и судьбах советской литературы. В этом наша группа, посетившая по поручению правления ССП СССР Саратовский край, смогла убедиться воочию.

Мы хотим здесь отметить несколько черт в характере общения партийно-общественной, пролетарской среды с писателями, черт, которые особенно волнуют и радуют. Низовые партийные и хозяйственные работники идут от общих вопросов социалистической культуры и литературы к будничным и конкретным производственным делам, и, в свою очередь, от этих вопросов производственной повседневности подымаются к большим социальным проблемам нашего времени — проблемам, получающим в этой связи необычайно яркое наполнение. Так директор Саратовского крекинг-завода тов. Богданов сумел в своем взволнованном выступлении на литературном вечере, использовав богатый литературно-политический материал, поставить ряд важных хозяйственно-производственных вопросов, актуальных для завода, сумел вызвать в этом направлении большую активность рабочей аудитории. Начальник Рязано-Уральской ж. д. т. Кавтарадзе и нач. политотдела т. Горшкин в связи с обсуждением вопросов литературы с успехом мобилизовали производственную активность тысяч железнодорожников. Литературный вечер — важнейшее звено соревнования и ударничества, социалистическая культура — звенья одной великой цепи, тянущейся от самых высоких созданий художественного творчества к каждому агрегату, каждому станку. Многочисленные и переполненные аудитории рабочих-железнодорожников Саратовского, Ртищевского, Балашовского узлов, Саратовского и Тамбовского вагоноремонтных заводов показали, что большевистский расчет командования дороги был совершенно правильным. Надо отметить, что выступления рабочих, даже в самых далеких от центра пунктах, обнаруживали совершенно правильное и исключительно широкое понимание сложных литературных проблем.

Особенно интересной была наша встреча с рабочими Тамбовского краснознаменного вагоноремонтного завода, на котором в дореволюционные годы свыше десяти лет проработал слесарем и токарем участник нашей группы писатель Георгий Никифоров. Бурно приветствовали после длительной разлуки своего старого товарища, сейчас волею революции писателя, кузнецы и слесаря, передовики и ударники, значкисты сталинского призыва на транспорте. Специально организованная дирекцией и парткомом завода встреча старых кадровиков с тов. Никифоровым была посвящена «общим творческим и производственным путям», которые ярко символизировали разносторонность и величие социалистических дел воспитанного пролетариата, руководимого коммунистической партией.

Красочно проявлялось это величие и в другой черте, характеризующей новое в общении трудящихся нашей страны со своими писателями, о чем мы также хотели бы сказать несколько слов. Речь идет о колоссальной тяге к творчеству, ощутительно заметной сейчас в самых широких народных массах. Свои мысли и чувства, свои думы и настроения рабочие, колхозники, красноармейцы несут на трибуну литературных вечеров в форме рассказов, очерков, стихов, поэм и даже пьес. Пусть это еще только первые и, конечно, далеко не совершенные опыты художественного творчества, но зато как волнуют темы и идеи этих произведений, как велик их социальный смысл, о какой колоссальной энергии масс они свидетельствуют. На каждом собрании: и на заводе комбайнов, и на крекинг-заводе, и у железнодорожников, и у красноармейцев, и у студентов мы встречали и слушали десятки начинающих рабочих поэтов, прозаиков, драматургов.

На тысячном собрании в городке Балашове (Саратовский край) после выступления писателей до глубокой ночи продолжались выступления «начинающих». Тут была и девятилетняя пионерка, которая смущенно оправдывала свое стихотворчество чтением Пушкина, который так ей понравился, что она решила попробовать и свои юные силы. Тут была и пожилая колхозница, которая не могла не выразить своего радостного настроения в звучных строках.

Велик и многообразен творческий порыв масс. К сожалению, как правильно отметил в беседе с нами секретарь краевого комитета партии т. Криницкий, не все еще наши организации поняли значение этой творческой активности. Так, например, зав. культотделом КрайСПС т. Мова категорически заявил, что с литературным движением ничего общего иметь не желает, — это, мол, не по его ведомству... Литературные организации края далеко не на высоте своих задач. Краевое правление ССП не может осилить даже руководство десятью литературными кружками в самом Саратове, не говоря уже о периферии, которая работой Союза совершенно не охвачена. В городе с напряженной и интенсивной культурной жизнью правление ССП никак не может найти своего места под солнцем. Опера, драма, музеи, интересная художественная выставка, 32 вуза,—а вот писательской организации по существу нет. Вместо работы члены правления разводят беспринципную свару и насаждают отвратительные богемские нравы среди литературной молодежи, которую нужно учить, которую нужно организовывать.

Мало помогает массовому литературному движению и краевая печать. «Правда Саратовского края» принадлежит к числу скучнейших из когда бы то ни было виденных нами советских газет, и вопросы литературы и искусства в газете, конечно, не в почете. По краевой газете равняются и районные. Приятное исключение составляет балашовская «Борьба», и особенно хорошо в этом плане «Тамбовская правда» (это уже Воронежская область, которую мы посетили по пути). «Тамбовская правда» сумела с успехом перенять опыт наших центральных газет и не в пример даже воронежской «Коммуне» ставит вопросы культуры, литературы и искусства на местном материале систематически, своевременно и интересно.

Много еще предстоит нам дел на фронте социалистической культуры, но замечательный народ растет в нашей стране, и это придает нам не только небывалую бодрость, но и полную уверенность в том, что под руководством партии и эти дела будут нами успешно завершены.

АРТ. ВЕСЕЛЫЙ.
Г. НИКИФОРОВ.
МИХ. ГОЛОДНЫЙ.
Г. БРОВМАН.
МИХ. ЮРИН.

ИЗ НОВОГО АЛЬБОМА КУКРЫНИКСОВ

И. БАБЕЛЬ

Дружеский шарж

Читатель перед сим почтенным ликом,
Вздыхая, справедливо заключит:
Сначала Бабель оглушил нас Криком,
Ну, а теперь — талантливо молчит.

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ.

исход

ниги

ФИНАЛ IV акта

[illegible] сестра Гедвиг, штурмовик и Зейдель (редактор газеты, школьный товарищ и друг Мамлока).

Мамлок: Как распределены на сегодня операции?

Гелльпах (подходя к нему): До распределения я как районный комиссар больниц обязан напомнить вам о примечании, касающемся евреев — участников войны.

Мамлок (готовя руки): Знаю.

Гелльпах (протягивая список): Вот список врачей и служителей-евреев, на которых не распространяется примечание... Предлагаю немедленно их уволить.

Мамлок (бросая взгляд на список): Что? Симона? Ни под каким видом!

Гелльпах: Не вы решаете этот вопрос.

Мамлок: Симона я вам не уступлю! 15 лет работает, от зари до ночи... Превосходнейший, испытанный, умелый служитель... (Кричит): Симон! Симон!

Симон (выходит из операционной): Что прикажете, господин профессор?

Мамлок: Ты на фронте был, Симон?

Симон: Нет.

Мамлок (о чем-то раздумывая): Позвольте... Позвольте... А сколько раз ты давал свою кровь для переливания, Симон?

Симон: Шесть раз, господин профессор.

Мамлок: Ага! (Гелльпаху): Так вот, милостивый государь, можно ли после этого утверждать, что он не проливал крови за немецкий народ. Больше того, он вливал свою кровь в немецкие жилы!.. И никогда не брал за это ни единого гроша. Понимаете?

Гелльпах: Я понимаю, что вам угодно издеваться над постановлением правительства... (Симону): Служитель Симон, предлагаю вам немедленно...

Мамлок: Но ведь это просто бессмысленно. Какие же причины у немецкого народа бояться Симона? Почему немецкий народ должен опасаться Симона? Надежнейший помощник, золотые руки—

Зейдель (тихо): Ганс, твои протесты все равно ни к чему не поведут... Хорошо, что хоть ты остался, это уже победа.

Гирш (тихо): Это счастье для клиники, для больных...

Мамлок: Откровенно говоря, я во многом согласен с новым правительством, некоторые пункты даже восхищают. Оно требует честности, чистоты нравов, мужества, товарищеского поведения—превосходно!... Но выбрасывать беззащитных на улицу, насильно снимать преданнейших людей с работы, лишать их куска хлеба—что это такое, господа? Мужество? Товарищеское поведение?.. А в это время тысячи паразитов и доносчиков ждут удобного случая, чтобы проскочить на освободившиеся места... Что это—чистота нравов, или...

Гирш (едва слышно): Ради бога, господин профессор!

Гельпах (резко): Продолжайте, пожалуйста!

Карльсен: Полагаю, что пора приступить к операции, господин профессор.

Мамлок (просматривает еще раз список): 4 служителя и 1 врач... Вы пропустили еще одно имя, господин комиссар. Разрешите, я впишу его. (Вписывает)... Прошу вас! (Передает Гелльпаху лист.)

Гелльпах (читает): № 6... профессор Ганс Мамлок, директор хирургической клиники.

Зейдель: Ты сам вносишь себя в список?

Гирш: Вы отказываетесь работать с новым правительством?

Гелльпах: Это демонстрация! Господин Мамлок явно саботирует постановление национального правительства, не желая признать переворот.

Мамлок: Что значит—не желаю признать? Вам известно, господин комиссар, что этот параграф ничего от меня не требует. Там говорится, что евреи, бывшие участники войны, могут остаться на своих местах... Могут! Там не сказано — должны!.. Господин комиссар, правительство получило от народа большинство мандатов и вправе требовать теперь повиновения, но оно не может насиловать совести... Такое насилие, господин комиссар, создает трусов, доносчиков и подлецов.

Гелльпах: Подлецов, говорите вы?

Мамлок: Да.

Гелльпах: Стало быть, национальное правительство создает трусов, доносчиков и подлецов?..

Мамлок (возмущенно): Я протестую: вы передергиваете.

Гелльпах: Вам нечего протестовать, господин Мамлок. [illegible]

Гелльпах: Вы солидаризируетесь с г-ном Мамлоком? Очень занятно... (Поворачиваясь к двери) Часовой!

Инге: Что вы вздумали, Гелльпах?

Гелльпах: Это мое дело!

(Штурмовик подходит).

Гелльпах: Перо, бумагу... и вызовите мою машину.

(Штурмовик выходит и приносит перо, чернила и бумагу. Гелльпах выдвигает на середину столик и принимается писать. Мамлок подходит к умывальнику и начинает сызнова готовить руки).

Гелльпах (кончив писать): Господа, попрошу вас подписаться под этим протоколом. (Протягивает ручку Карльсену).

Карльсен (читает сначала про себя, потом вслух): «...таким образом мы констатируем, что его провокационное поведение должно было разлагающе повлиять на больных и на персонал. В связи с этим мы отказываемся работать под руководством профессора Мамлока»... Вот это мы должны подписать?

Гелльпах (смотря на него в упор): Вас никто не принуждает, господа. Можете не подписывать и солидаризироваться с г-ном Мамлоком.

[illegible] развертывается на фоне политических событий в Германии второй половины 1932 г. и первой половины 1933 г. Но содержание пьесы перерастает эти хронологические рамки. Центральная фигура—профессор Мамлок, руководитель хирургической клиники. Он демократ, но немецкий патриот. Бывший участник войны, он полон безграничного доверия к Гинденбургу, от которого ждет спасения Германии. Сам он не хочет активно вмешиваться в политику, для него на первом плане его врачебная работа, его больные. Он изгоняет политику из стен своей клиники, из круга своей семьи. Но силой вещей политика неизбежно врывается всюду, захватывает в свой круговорот семью Мамлока, наносит удар за ударом его пассивному гуманизму. Происходят схватки между врачами клиники—соц.-демократами и нац.-социалистами. Разваливается семья, сын Мамлока Рольф уходит к коммунистам. Наконец последний удар — еврейский бойкот. Мамлока выгоняют из клиники. Он хочет бороться, он храбр, но друзья его легко предают его,—они трусы, они боятся штурмовиков. Мамлок обречен и не находит другого ИСХОДА, кроме самоубийства. Но перед смертью он поймет свою ошибку. В борьбе он стоял не на том пути. И он убеждает свою ассистентку Инге (уже ушедшую из нац.-соц. лагеря) стать на другой путь, на путь его сына Рольфа, на путь КОММУНИЗМА.

Карльсен (после паузы): Нельзя ли вычеркнуть хотя бы последнюю фразу?

Гелльпах: В этой фразе весь смысл протокола. Она подчеркивает наше отношение к чужеродным антигосударственным элементам. Она показывает, что мы стоим за новый, истинно народный образ мыслей, за нравственную чистоту, за правдивость, за верность!

Зейдель: Под этим каждый подпишется.

Гирш: Очень положительные слова...

Карльсен: Вы должны понять, г-н профессор... (Торопливо подписывает. Протягивает ручку Зейделю).

Мамлок: Прочти, Вернер, прочти, что ты подписываешь.

[illegible]

НА БЕРЕГАХ КАСПИЯ

[illegible]

БУТАФОРСКИЙ ВЕК

[illegible]

щих сил величайшей буржуазной революции конца XVIII и начала XIX вв., с каждой страницы романа Шишко глядят тусклые глаза мелкобуржуазного моралиста. Сие хорошо, а вот сие дурно, сие нравственно, а сие безнравственно.

Шишко пытается показать, как к концу царствования Екатерины в среде мелкопоместного дворянства, группирующегося вокруг Павла (?), зреет против нее оппозиция. Между Царским селом и Гатчиной — резиденцией Павла — непримиримая вражда. Два резко противоположных стиля борются между собой — изнеженное, циничное и грязное сибаритство Екатерины и окружающего ее крупного дворянства и солдафонская замордованность павловского двора, выразителя настроений мелкопоместного дворянства. Философия этого деления очень проста: богатое дворянство изнежено, это — шаркуны, ловеласы, мелкопоместное — вечно нуждающееся, склонно к реформам и во имя этого готово выносить мордобой и кулачную расправу полоумного императора. Не вдаваясь в дальние исторические экскурсы, напомним только, что наиболее твердолобой

[illegible]

отречения от Павла и участвует в его убийстве. Тут, что ни шаг, то нелепица. Прежде всего офицер, посланный с тайным государственным поручением в Париж и пустившийся в бурное плавание по революционным волнам, да еще участвовавший в защите Робеспьера от термидорианцев, по возвращении в Москву немедленно попал бы в равелин, а никак не во флигель-адьютанты к императору. Но это все частности. Существенно важнее то, что Белецкий как предшественник декабризма и подлинный якобинец должен был выступить как законченный цареубийца. У Шишко же это—слюнтяй, чуть не на коленях умоляющий императора подписать отречение в пользу республики. Все это, так сказать, русская тема.

Однако в романе действуют кроме того положительно все основные деятели Великой французской революции. И, как и следовало ожидать, в хрестоматийном обличии. Марат, конечно, в ванне, Робеспьер—в голубом фраке, Дантон — пьяница и развратник, словом и на Францию, как и на Россию, автор смотрит все с той же убогой морализаторской точ-

[illegible]

зать, «лирики» можно наскоблить с каждой страницы. Позолота дешевая и неумная.

«По утрам в седых клочьях пасмурного неба **трепетала голубая эмаль** (трепещущая эмаль!). Деревья покрывались «кружевом почек». И это дамское рукоделие должно дать ощущение Парижа 93-го года! Мы уж оставляем на совести редакторов такие перлы, как «густые волны меди», «живой колеблющийся пресс» (это толпа) и пр. Но вот с какой любовью и вниманием автор выписывает своего основного героя: «Белецкий **спрятался** за дерево. **Обхватив его руками,** он прильнул к стволу и стоял, не двигаясь». Прямо-таки страусовый способ прятаться! Или: «Алексей Николаевич захлопнул книгу», а через девять строк о нем же и этой самой книге: «Уронив голову на **смятые страницы** Вольтера, Белецкий сидел, не двигаясь». Сначала книгу захлопнул, а потом горестно смял в **захлопнутой** книге страницы головой! Феноменальная голова! Впрочем голова эта действительно примечательная! Полюбуйтесь, как она мыслит: «Белецкий провел рукой по лбу, **не зная еще, какие мысли**

[illegible]

разжигал.—Да и сыро здесь. Право, лучше до завтра» (стр. 120). Это уж совсем в стиле заграничных бульварных романов.

Белецкий читает Вольтера и посылает дворовую девку на ночь к заезжему помещику, глубокомысленно при этом замечая, что Вольтер Вольтером, а из-за девки самодур еще откажется от покупки части имения. У тетушки Белецкого, мелкопоместной дворянки, умирает родами крепостная. И когда ей сообщают, что в ту же ночь ожеребилась кобыла, тетушка в возмущении замечает старосте: «Что ты молчал, дурья голова, о ерунде час битый мелешь; иди, показывай жеребенка». Это, так сказать, социальный поход. Разоблачил крепостников, да и только!

Снова повторим. Единственно здоровое, интересное зерно, содержащееся в романе, это — тема предшественников декабризма. Но прежде чем за нее браться, необходимо как следует усвоить марксистскую концепцию интересующей автора эпохи, всерьез поработать с историками и вообще «почитать».

БОР. ДАЙРЕДЖИЕВ

Картина худ. М. Сарьяна «Кавказский пейзаж», показанная на выставке к дискуссии о пейзаже в Московском союзе советских художников.